

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

В. А. Возчиков

СТУДЕНТЫ В ЭПОХУ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 378.14
ББК 74.5

На основании книги В. А. Богдан «Студенты Первой пятилетки» анализируется состояние советского высшего образования в 30-е гг. прошлого века: особенности приема в вузы, формы и методы обучения, требования к студентам, идеологическая заданность общественных дисциплин и т. д.; отмечается обусловленность деятельности высшей школы в СССР требованиями развития народного характера, плановым подходом к подготовке специалистов.

Ключевые слова: высшее образование в СССР; В. А. Богдан; социальный состав студентов; бригадный метод обучения; общественная работа; марксистско-ленинская идеология; русская эмиграция.

V. A. Vozchikov

STUDENTS IN THE PLANNED ECONOMY ERA

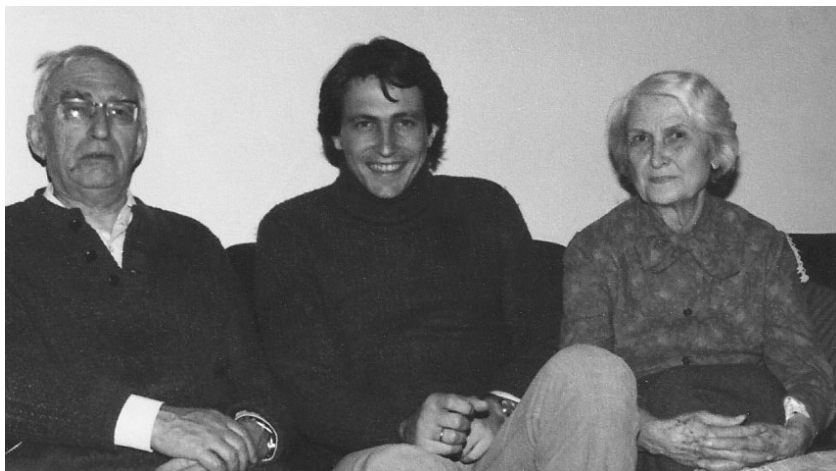
The article examines the state of the Soviet higher education in the 30-ies of the 20th century based on the book by V. A. Bogdan “Students of First Five-Year Plan”: features of admission to universities, forms and methods of training, requirements for students, ideological tasks of social sciences, etc. The author notes conditionality of activities of higher schools in the USSR and the requirements of the national character, planned approach to training of specialists.

Key words: higher education in the USSR; V. A. Bogdan; the social composition of the students; Brigade method of teaching; social work; Marxist-Leninist ideology; Russian emigration.

В 1973-м году в Буэнос-Айресе в издательстве газеты «Наша страна» вышла книга Валентины Алексеевны Богдан «Студенты Первой пятилетки» [1] — для российского читателя, к сожалению, библиографическая редкость. Как пояснил автору этих строк в сентябре прошлого года редактор «Нашей страны» Николай Леонидович Казанцев, В. А. Богдан выпустила книгу за свой счет, практически одновременно профинансировав и однотомное издание «Народной монархии» И. Л. Солоневича... В то время проживавшие в Лондоне Валентина Алексеевна и ее муж Алексей Васильевич уже тридцать лет находились в эмиграции. В. А. Богдан писала статьи для «Нашей страны», занималась мемуарами — в начале 80-х во Франкфурте-на-Майне вышла вторая ее книга под названием «Мимикрия в СССР» [2]. Н. Л. Казанцев любезно предоставил в наше

распоряжение фотографии, на которых запечатлена его встреча с семьей Богдан в 1980-м году, когда Николай Леонидович находился в Лондоне в качестве корреспондента 7-го канала аргентинского телевидения.

Предметом настоящей публикации стали некоторые факты истории советского высшего образования, вошедшие в книгу «Студенты Первой пятилетки». В строгом смысле заголовков воспоминаний В. А. Богдан не соответствует временным рамкам описываемых событий. Как известно, первая пятилетка охватывала период с 1928 по 1932-й гг. (в реальности — даже меньший, поскольку считалась выполненной «досрочно»), Валентина же стала первокурсницей в 1929-м, а защитила диплом — в 1934-м году. Таким образом, название произведения в меньшей степени заключает в себе хронологический, но в большей — метафорический смысл. Первая пяти-

Редактор газеты «Наша страна» Николай Леонидович Казанцев (в центре) в гостях у Алексея Васильевича и Валентины Алексеевны Богдан (Лондон, 1980 г.).
Компьютерная подготовка фото к печати дизайнера О. В. Возчиковой

летка для народного хозяйства СССР знаменовала собой утверждение плановой экономики — отныне жизнь страны во всем ее многообразии определяли и направляли руководящие указания центральных органов власти. В мировоззренческом плане такая практика предполагала признание каждым членом общества приоритетными для собственного поведения и деятельности распоряжения бюрократических органов различных уровней; всеми способами власть формировала веру в то, что ее директивы являются единственно верными и справедливыми. В 30-е годы прошлого века обучение в советских вузах все более обрело характер плановой подготовки специалистов — в необходимых для решения конкретных задач количестве и «ассортименте», с моральными и деловыми качествами, соответствующими государственной идеологии.

Книга В. А. Богдан — документальное свидетельство подчинения высшего учебного заведения «плановому» началу, увиденного и осмысленного тогдашней студенткой. Замечательно, что Валентина Алексеевна «задним числом» (воспоминания были написаны спустя десятилетия после студенчества) не позволяет себе конъюнктурной критики советского прошлого, не омрачает черной краской годы учебы. Искренние страницы прозы согреты теплом души автора...

Даже вчерашняя школьница обратила внимание на строгий отбор кандидатов в студенты с точки зрения классовой «благонадежности». Так, даже не был допущен к экзаменам способный одноклассник Валентины,

мечтавший стать врачом: «В их семье, у деда, а потом у отца, была паровая мельница. Он «лишенец», то есть лишен права голоса при выборах, как бывший буржуй. Лишество своего отца Саша скрыть не мог, так как при подаче заявления в институт нужно было представить справку от горсовета, имеют ли родители право голоса» [1. С. 16]. Ранее такого требования не было, потому старшие брат и сестра одноклассника в вузы были приняты: «Они поступили несколько лет назад, когда не было такого строгого классового отбора. Выдержали экзамен и всё. На вопрос о занятии отца они ответили, что он мирошник и подтвердили это справкой, а о его праве на голосование никто и не спрашивал» [1. С. 17].

Как о чем-то само собой разумеющемся и хорошо известном поведал местный абитуриент, что «... пришла инструкция принять как можно больше партийцев и комсомольцев. <...> Принимать будут так: в первую очередь партийцев и комсомольцев пролетарского происхождения, во вторую — партийных служащих, потом беспартийных, детей рабочих и крестьян, бедняков и середняков, и только на оставшиеся места, если окажутся, примут прочих. Вы, конечно, представляете, что с таким распоряжением приемная комиссия будет снисходительна к одним и очень требовательна к другим. А у некоторых этих прочих, в том числе и детей ученых и крупных специалистов, есть еще и протекция» [1. С. 11]. Результаты приемной кампании в Краснодарском Институте пищевой промышленности, как вскоре убедилась В. А. Богдан, вполне подтверждали справедливость сказанного.

По мнению Валентины Алексеевны, темы вступительных сочинений «... были легкие, почти те же самые, на которые мы писали сочинения в школе:

1. Подъем благосостояния трудящихся РСФСР при выполнении первого пятилетнего плана.

2. Типы Грибоедова в современном обществе.

3. Женщина в революционной художественной литературе.

4. Незримые слезы в произведении Гоголя [1. С. 9].

На наш современный взгляд, наиболее трудной кажется первая тема, не связанная с литературой. Однако для большинства тогдашних абитуриентов она-то и оказалась особенно привлекательной — в школах проблемам пятилетки уделялось повышенное внимание!.. Так, абитуриентка Таня, по ее словам, «... знала что писать. Недаром мы в школе целый год разбирали и заучивали пятилетний план. Как начала писать, цифры так и поперли из головы: сколько метров мануфактуры, да сколько пар обуви будет сделано. Можно написать целую поэму, когда подумаешь, насколько тракторы и комбайны облегчат труд крестьянина». Абитуриентка Лида вполне согласна с подругой: «Зубрежка пятилетнего плана пригодилась, а вот о грамматике беспокоюсь» [1. С. 10]. Как видим, девушки отнюдь не стремились выразить свою индивидуальность, да от них этого и не требовалось, так как главным считалось «раскрыть содержание» с «идеологически верных» позиций.

Впрочем, некоторые писали с искренним желанием высказаться,

к таким творческим натурам относилась и Валентина Богдан: «Я выбрала вторую тему и писала с большим воодушевлением. «Горе от ума» я знала почти наизусть, и обличитель чужих пороков, Чацкий, был одним из моих самых любимых героев. Одно время я даже старалась подражать ему ...» [1. С. 9—10]. Однако прагматично или «лично» выбирали тему поступающие, оба этих подхода принимались комиссией как равнозначные — иначе не обеспечить должный социальный состав первокурсников!..

Как важную особенность тогдашней приемной кампании отметим сдачу в один день сразу двух экзаменов: «Вторым экзаменом в этот день (сразу после сочинения. — В. В.) была письменная математика», — свидетельствует В. А. Богдан [1. С. 10]. Письменные испытания воспринимались как самые «главные», если успешно преодолеешь их, «... остальное ерунда, не страшно» [1. С. 11].

Через две недели после завершения экзаменов (такой срок устанавливался приемной комиссией для подведения итогов, оформления документов; абитуриенты на эти дни разъезжались по домам [1. С. 13]. Валентина Богдан и ее подруги из городка Кропоткин получили открытки с известием о зачислении их в число студентов.

В институте первостепенное внимание уделялось идеологической подготовке будущих инженеров сталинских «пятилеток». Так, В. А. Богдан описывает митинг в городском саду Краснодара по случаю начала учебного года. Выступавший комсомольский активист внушал начинающим, что

«... мы, пролетарские студенты, ...», а потому неукоснительно требуется «... изучать не только специальные науки, но и марксизм-ленинизм» [1. С. 30]. Валентина Алексеевна вспомнила и об обязательных резолюциях, которые традиционно принимали по завершению подобных мероприятий. Резолюции были однотипными, непременно подчеркивавшими, что «... студенты понимают важность поставленных перед ними задач, горды быть представителями пролетариата, обещают приложить все усилия к изучению наук, особенно марксизма и ленинизма и благодарят партию и правительство за заботу» [1. С. 13].

Ритуал принятия резолюции лишь внешне выглядел формально (по опыту собственных студенческих, да и «взрослых» лет могу утверждать, что редко кто вслушивался в текст, с нетерпением ожидая завершением «мероприятия»), однако в действительности содержал большой идеологический смысл: аудитория не только «одобряла» предложения, но и неизменно выражала свою благодарность «власти»!.. Добровольно, не «под пыткой», забыв свою «кухонную» принципиальность... А попробуй не «одобрить», не «поблагодарить» — лишишься того малого, что имеешь, и уж точно ничего не получишь в будущем!..

О содержании вузовских философских лекций того времени дает представление следующее суждение В. А. Богдан: «Философское мышление, говорил Розенберг (профессор диалектического материализма в институте. — В. В.), присуще человеку с самых ранних стадий его развития как

индивидуального, так и исторического; так что теорий о путях развития общества очень много, однако только материалистический подход к познанию мира, основанный на изучении материальных фактов, дает возможность раскрыть законы развития мира в целом и законы развития человеческого общества в частности. Зная законы развития общества, можно предсказать, как это развитие будет идти в будущем. «Мы, марксисты, — говорил он, — не делаем историю, мы помогаем ей двигаться по более правильному, следовательно, по более легкому пути». Все остальные философские учения, не основанные на материализме, являются заблуждениями. Их нужно просто отбросить, чтобы не засорять головы» [1. С. 31].

Если студенты задавали «неправильные» вопросы, их «отечески» поправляли:

— Вы утверждаете, что ход истории предопределен (законами развития общества, «открытыми» марксизмом. — В. В.). Не есть ли это фатализм? — спрашивал другой студент.

— Какой же это фатализм — знать законы развития? Вы, например, знаете, что через восемь часов наступит ночь, а завтра опять будет день и стараетесь сделать день как можно лучше и полней и даже удлиняете его при помощи искусственного света. Знание законов движения и развития — это еще не предопределение [1. С. 32].

Такая ошеломляющая демагогия, беззастенчивая «подмена тезиса» представлялись вполне достаточными для объяснения!.. Студенты, желающие самостоятельно познакомиться с «немарксистскими» философскими

трудами, были лишены такой возможности. Так, В. А. Богдан не выдал в институтской библиотеке работы Шопенгауэра: «... мне сказали, е моему удивлению и разочарованию, что его книг в библиотеке нет.

— А сочинения Канта есть?

— И Канта нет.

— Их нет, или их не выдают? — добивалась я.

— Их нет, — сказала библиотекарша, — изъяты из употребления за ненадобностью.

Они оказались, как выразился профессор Розенберг, «хламом истории» [1. С. 34].

Заметим, однако, что у молодости — свои права и законы, и те проявления советской системы, которые десятилетия спустя акцентировала Валентина Алексеевна в своих книгах, в действительности воспринимались больше с досадой, чем с возмущением. Раздражали скучные лекции по марксизму-ленинизму, отнимали массу времени собрания и общественные «нагрузки», не прибавляли энтузиазма ни инициированный «сверху» бригадный метод, ни военные занятия... Но многочисленные радости студенческой жизни с лихвой компенсировали негативное! Лишь спустя годы, когда «рады» затушуются в памяти, а жизненные реалии «откорректируют» некоторые молодые надежды, можно рефлексировать, что учили «не так» и «не тому», говорили «не о том» и вообще — «подавляли»... Тогда же, в студенчестве, отсутствие в библиотеке тех или иных книг по большому счету жизнь «не отравляло», не мешало весело распевать:

Вокруг Меда (медицинского института. — В. В.) кочки, кочки,

Цым ля ля, цым ля ля,

Там студентки, как цветочки,

Цым ля ля, цым ля ля. [1. С. 30]

Воистину, хочешь быть счастливым — будь им: «Купив шапочки, мы почувствовали себя нарядными, красивыми и счастливыми. Проходя мимо фотографа, мы решили зайти сфотографироваться всем вместе» [1. С. 298].

Спору нет, «изымать» книги из библиотек нельзя, особенно отнюдь не «экстремистского» Канта. Думается, прочитай двадцатилетняя Богдан «Критику чистого разума» — «устой» бы не поколебались, да и — позволю себе дерзкое предположение! — не стала бы Валентина читать немецкого классика, будь его книги в свободном библиотечном доступе. В лучшем случае, «пролистая» бы из любопытства или готовясь к семинару... Сегодня позволительно читать не только Канта и Гегеля, но и Ницше, Мигеля Серрано, Хаузера, Аллена Рено ... И что же, «в очередь» выстраиваются студенты за этими книгами? Как бы ни так!

По тогдашним вузовским правилам, распределение студентов по факультетам осуществлялось на втором курсе и, как сообщает Богдан, «... к моей радости, я была зачислена на механический факультет, куда мне очень хотелось» [1. С. 78]. Вузовскую программу Валентина осваивала с удовольствием, получала самую высшую студенческую стипендию, полагающуюся за успехи в учебе (с осени 1932-го так стали поощрять студентов, к

немалой досаде «активистов», которые, погружаясь в «общественную работу», нередко запускали учебу).

— Учиться нетрудно, и с каждым годом интереснее, но общественная работа прямо отравляет жизнь, — рассказывала после окончания второго курса Валентина своему товарищу. — Собрания, заседания, кружковая «проработка» выступлений вождей, субботники, да еще общественная нагрузка, — ты, конечно, знаешь, что это такое! Совершенно нет времени сделать что-либо для себя или развлечься. И все время нужно быть начеку, стараться не сказать ничего антипартийного, антиобщественного, антисоветского, антимарксистского, антипролетарского ... в неподходящей компании. Могут придрататься и напаковать, вплоть до исключения из института. Как видишь, студенческая жизнь далеко не легка и даже опасна» [1. С. 129].

Подтверждением того, что в годы первой пятилетки вузовская практика все явственнее ориентировалась на конкретные потребности хозяйства страны, является появление в институте в 1929—30 учебном году «партияшников»: «Они из той тысячи ответственных коммунистов, которых ЦК партии послал учиться в порядке партийной дисциплины. Их готовят к занятию высоких административных постов в промышленности и сельском хозяйстве: директоров предприятий и трестов, директоров совхозов и тому подобное. Подготовка их очень пестрая; многие окончили только начальную школу. Другие начинали учиться в гимназии или в технических школах, но не кончили. Некоторые были даже

со средним техническим образованием. Практических занятий они пока не отработывали, а только приходили на лекции. Почти с каждым из них отдельно занимаются профессора и другие научные работники» [1. С. 44].

Добавим, что и сами студенты вовлекались в процесс подготовки будущих управленцев — в этом заключался один из смыслов так называемого *бригадного метода*, который какое-то время — впрочем, недолгое! — внедрялся в советских вузах.

В. А. Богдан вспоминает о начале второго курса осенью 1930 года:

«После первого же комсомольского собрания Тая и Лида пришли с новостью:

— Знаешь, вводится новый метод занятий — бригадный.

— Что же это за метод?

— Будет так: всех студентов разобьют на бригады в три-пять человек. Студенты одной бригады будут вместе готовиться к зачетам и вместе их сдавать. Зачет будет зачитываться всей бригаде целиком, и если один член засыпется, то вся бригада не получит зачета и должны будут придти сдавать другой раз.

— Разве это возможно?! Каждый занимается по-своему. Одному одни предметы трудны, и он отдает им больше времени, другому трудны другие, а третьему все трудно. Значит, вся бригада должна будет равняться по слабому, разжевывая ему трудные места? <...>

— Какая же польза от бригад?

— Говорят, это сделает всю группу более ровной академически. Сильные студенты будут вынуждены помогать слабым и подтягивать ленивых.

— Значит, более способные студенты не будут в состоянии изучать предметы более глубоко.

— Не знаю, говорят это мера временная» [1. С. 78].

В начале 30-х гг. в вузах появляются военные занятия: «Военную подготовку проходят как мужчины, так и женщины. Мы изучаем оружие, учимся стрелять и по карте решаем тактические задачи. Кроме того, нас знакомят с постановкой военного дела в других государствах и доказывают слабость армий в капиталистических странах» [1. С. 90]. Студенты на «политические разглазольствования не обращали внимания», а «стрелять из винтовки и револьвера» научились быстро [1. С. 91].

В январе 1933 года Валентина вышла замуж за Алексея (в книге — Сергей) Васильевича Богдана, с которым была знакома еще со школьных лет. Венчание с тогда еще ассистентом Краснодарского сельскохозяйственного института состоялось в церкви, провели его по настоянию матери невесты — Нины Ивановны, с немалыми предосторожностями. В свадьбе за год до окончания института был немалый прагматический смысл, который Валентина Алексеевна раскрывает в своих воспоминаниях: «... пожениться до моего окончания мы хотели потому, что по новому закону диплом не выдается на руки окончив-

шим вуз, а посылается прямо на место их первой работы по назначению комиссарната. На этом месте специалист обязан проработать не меньше трех лет. Если студент откажется ехать по назначению, он не получит диплома об окончании. Мужа и жену обещают посылать на работу вместе» [1. С. 225]. В 1934-м году, защитив проект маслоэкстракционного завода, В. А. Богдан стала дипломированным инженером-конструктором...

Считать ли книгу В. А. Богдан «Студенты Первой пятилетки» антисоветской?.. Безусловно, ибо изъяны системы в ней отчетливо обозначены. В то же время в книге Валентины Алексеевны отсутствует известная, если позволительно так выразиться, «атрибутика», присущая «антисоветским» текстам в расхожем понимании: страстное публицистическое «обличение» недостатков, выраженная определенной лексикой нетерпимость, мстительное злорадство и т. п. В. А. Богдан — не идеолог, не «партиец», не стремится обратить кого бы то ни было в «свою веру»; она — транслятор событий, как те представляли в ее понимании; рассказчик — сожалеющий, сочувствующий, переживающий, недоумевающий, но не злобствующий в силу своего душевного склада. Непременно «прослыть» диссидентом Валентина Алексеевна не стремилась, да и необходимости такой не было.

Список литературы

1. Богдан, Валентина. Студенты Первой пятилетки / В. А. Богдан. — Буэнос-Айрес: Изд-во «Наша страна», 1973. — 279 с.

2. Богдан, Валентина. Мимикрия в СССР. Воспоминания инженера, 1935—1942, Ростов-на-Дону / В. А. Богдан. — Франкфурт-на-Майне, 1982. — 322 с.